

Автор: Робер Каз (1853–1886)

Название: «День за днём»

Каждый день, около семи часов утра, мадемуазель Аделаида Куртуа спускается на улицу Лепик, где проживает вот уже двадцать пять лет. Летом и зимой тихо и неприметно она семенит по тротуару, здороваётся с молочницей, обходит вёдра с водой мальчишки-помощника мясника, занятого чисткой мраморных прилавков, куда он через мгновение выложит куски мяса с начищенными цинковыми этикетками.

Мадемуазель Аделаиде знаком каждый уголок улицы Лепик. Она знает наизусть ассортимент мебельного магазина. Она могла бы по памяти перечислить все товары магазина белья и галантереи, где в витринах выставлены костюмы из синего тика, стопки сорочек в фиолетовую и белую полоску, тёмно-синие комбинезоны и модные английские пеньюары. Ниже по улице, у бульвара Клиши, в шляпном магазине задёшево предлагают соблазнительно элегантные шляпы-шапокляк на розовой шёлковой подкладке, котелки с узкими полями и цилиндры по моде прошлого сезона. А летом на другом конце улицы у торговки жареным картофелем, над сковородой, где шкворчит прогорклый жир, в клетке с увядшей мокрицей верещит во всё горло канарейка.

Рабочие и мелкие служащие спешат по своим утренним делам, они не замечают проходящую мимо старушку. Никто не обращает на неё никакого внимания. Как же мало она значит в этом мире! Как же мало в ней особенного, в её бедном чёрном кашемировом платье, сером шерстяном платке, унылой шляпке с букетиком выцветших васильков.

Однако мадемуазель Аделаида не просто прогуливается. Она торопится к своим клиенткам. Посещает по одной, каждый день. Они все её ровесницы, эти старые дамы, для которых она шьёт больше четверти века.

Мадам Малитурн, рантье с авеню Трюден; мадам Гандеруан, жена художника, страдающего ревматизмом, часами просиживающего в кресле перед полотнами, созданными им двадцать лет назад; мадам Бруншви́г, верующая еврейка с улицы Бланш; мадам Клэре, вдова с площади Монсей и еще две-три заказчицы.

У мадемуазель Аделаиды и её клиенток сходные привычки, возраст и отчасти даже характер. Когда она приходит, дамы не выказывают особенной радости. Однако если она пропустит хотя бы один визит, в их жизни в эти двадцать четыре часа возникнет пустота. И

наоборот, если одна из клиенток вдруг даёт мадемуазель Аделаиде выходной, бедная женщина глубоко печалится. Так, например, она несчастна во время еврейской Пасхи, потому что не бывает у мадам Бруншви́г, хотя та исправно платит ей за нерабочие дни. Ничто так не тяготит мадемуазель Куртуа, как одиночество.

Сейчас работы немного. Но прежде, пятнадцать-двадцать лет назад, модистка была нужна всем. Никто лучше мадемуазель Аделаиды не умел копировать модели известных портных. За пятьдесят су в день её клиентки выглядели так, будто одевались в модном доме Орелли или у сестер Кертё. Как же все ошибались. Никому и в голову не приходило, что у мадемуазель Куртуа есть вкус, и вкус совершенно определённый, совершенно особенный. Его было достаточно, чтобы заложить ещё одну складку на шёлке, по-особому расположить рюши – и вот эти дамы получали в свете комплименты своим блистательным нарядам. Вместе с тем мадемуазель Аделаида не гнушалась и работой за два су, латая, перелицовывая вышедшие из моды вещи. Если нужно – шила детскую одежду, превращала ребячью блузу в редингот для отца, платье девочки – в бурнус для матери. Её волшебные пальчики феи, тонкие пальцы, на которых иголка оставляла чёрные пятна, без усталости скользили по ткани.

Теперь морщинистые руки мадемуазель Аделаиды дрожат. Пальцы не столь проворные и не столь уверенные селятся продеть нитку в игольное ушко. Глаза с трудом различают швы. Пожилая женщина страдает от мучительных болей в желудке. А ещё после еды мадемуазель Аделаида дремлет за работой.

Её клиентки уже давно обо всём знают. Но кроме мадам Белэн, привередницы, жены замминистра финансов, никто не отказал от места мадемуазель Куртуа. Им необходимо раз в неделю обсудить с ней сотни раз пересказанные новости, всем известные секреты – никаких неожиданностей, никаких случайностей. Они едва смотрят на её работу. Им достаточно поболтать о давнем, но для них никуда не ушедшем прошлом, ведь мадемуазель Аделаида рядом, в доме, так давно! Так давно, что научилась слушать с величайшим вниманием, знает своё место, не вставляет глупые комментарии, только вздохнёт или улыбнётся – смотря по обстоятельствам – и всегда-всегда будет того же мнения, что и «мадам». А какое умение хранить чужие тайны! Ни сплетен, ни слухов. Она никогда не пересказывает одной клиентке то, что слышала у другой.

Знакомы ей и происшествия. Например, по средам мадам Бруншви́г подробно рассказывает модистке о банкротстве месье Бруншви́га в 1856 году.

– Вы же помните, Аделаида, не правда ли?

– Несомненно, мадам.

– Да, месье увяз в долгах во время Крымской войны в деле с поставкой солдатского сукна. Он был так неосторожен, так неосторожен. И Бог мне свидетель, я его отговаривала. Но чему быть – того не миновать. Кажется, когда пришёл судебный пристав, вы как раз были у нас.

– Да, мадам, я открыла ему дверь.

– Верно! Без меня месье Бруншви́г был бы разорён, опозорен. Ах! Я хлопотала по всем делам. Я предприняла все необходимые шаги. Вы же понимаете, у нас ведь дети.

Когда мадемуазель уместно вздыхает, мадам Бруншви́г продолжает – она с гордостью повествует, как в одиночку добилась мирового соглашения с кредиторами и спасла честь семьи.

По пятницам мадам Гандеруан затягивает для модистки свою песню. Почти не скрывая своих чувств, она жалуется на парализованного художника. Её мужа сделал калекой порок. Если бы он был благоразумен, сидел дома, а не распутничал направо и налево, разве оказался бы он в таком положении? Разве он не наследник славы своего учителя Ораса Верне? Вот так-то! Какими же легкомысленными могут быть мужчины!

По понедельникам мадам Малитурн поёт иначе. Старая дама высыпает на модистку ворох мужских имен.

– Аделаида, вы ведь помните месье де Байели?

– Да, мадам, это офицер, блондин, убитый в Китае.

– Именно он. Какой воспитанный молодой человек! А месье Виньер, помните, этот маленький атташе из посольства, он так прекрасно пел «Ученик и ученица». Потом был месье Лустале, из Тулузы, он ещё ужасно ревновал к милому Раймону де Мартины. Ах! Какие мужчины, моя дорогая!

Верная мадемуазель Аделаида согласно кивает.

Так проходит неделя. Все эти дамы изливают свои горести на сморщенной груди мадемуазель Аделаиды. Раскрывают перед бедной женщиной душу. Её же страдания никого не занимают.

Только по воскресеньям мадемуазель Аделаида бывает одна, в своей маленькой комнатке на улице Лепик. Целый день она проводит у окна, не отрывая взгляда от угла кладбища, внизу на Монмартре. Она с грустью размышляет о своей далёкой юности, глупо потерянной, о былой сердечной привязанности к молодому бакалейщику из Ла-Шапели, ничем не закончившейся, о скабрёзностях, нашёптанных одним лысым господином, которому она отказала однажды вечером в мае 1853 года, о похоронах матери, о чтении романов, начатых, но так и не дочитанных до конца, обо всех разочарованиях в собственной жизни, заурядной, тяжёлой, лишённой увлечений и чувств.